

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КАРЕЛ ФОЙТИК

ИЗ ОПЫТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ *

Изучение культуры и быта рабочих в Чехословакии было начато около 1950 г. Первые работы в этой области¹ страдали рядом недостатков. В большинстве их основное внимание было обращено на историю рабочего движения, историю отдельных предприятий и т. д.; собственно этнографическим изучением рабочих занимались очень мало. Такого же рода недостатки были и в моей работе о культуре и быте рабочих текстильных предприятий в Брно во второй половине XVIII и первой половине XIX в., написанной исключительно на основании архивных материалов².

Однако эти первые опыты сыграли большую роль. Они были школой для отдельных исследователей, которые приступили к разработке более широких тем. С 1953 г. проводится комплексное изучение нескольких областей страны.

1. Институт этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук (Прага) ведет работу по изучению культуры и быта горняков промышленной области Кладно. Полевые исследования уже закончены, и сотрудники Института вместе с внеинститутскими авторами готовят к печати книгу о рабочих Кладненской области³.

2. Филиал Института этнографии и фольклористики в Брно проводит комплексное изучение культуры и быта рабочих промышленной области Росице-Ославаны⁴.

3. Институт этнографии Словацкой Академии наук (Братислава) работал над изучением культуры и быта старого горняцкого поселка Жакаровце. Монография, написанная коллективом сотрудников этого Института, вышла из печати.

4. Сотрудники кафедры этнографии Карлова университета (Прага) вместе с Силезским научно-исследовательским институтом (гор. Опава) приступили в 1955 г. к изучению Оставской области, избрав своим опорным пунктом поселок Довбува, расположенный недалеко от областного центра.

* Доклад на этнографическом совещании в Ленинграде в мае 1956 г.

¹ Эти работы опубликованы большей частью в журнале «Český lid» и «Radostná země».

² См. «Český lid», XL, 1953, стр. 58—65 и 224—226.

³ Работа будет закончена в конце этого года; будут напечатаны две большие монографии: Ольги Скалниковой о быте горняков Кладно во второй половине XIX в. и Антонина Робека об этнографии Кладненской области до развития в ней промышленности.

⁴ Первые результаты работы опубликованы в статье: «Vývoj hornictví a život horníků na Rosicku a Oslavansku v první polovině 19. století, «Československá etnografie», III, 1955, стр. 3—36.

* * *

Сотрудники брненского филиала Института этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук по ряду соображений выбрали объектом своего изучения Росицко-Ославанский каменноугольный бассейн. Это сравнительно молодая промышленная область, старейшие предприятия которой были основаны только около 1800 г.; довольно многочисленные и разнообразные источники⁵ дали возможность проследить развитие культуры и быта рабочих и крестьян этой области с самого начала ее промышленного развития⁶. Вместе с тем рудники, как и металлургические заводы в Заставке, были единственными крупными предприятиями области. Начиная с 40-х гг. XIX в. на отдельных шахтах и металлургических заводах работали группы рабочих, живших преимущественно в деревнях той же области, в поселках Збышов, Заставка, Бабице, Падохов и др., а также в городах Росице и Ославаны.

Росицко-Ославанский район сохранял характер довольно замкнутой экономической области с ярко выраженными двумя центрами⁷ и вплоть до последнего десятилетия XIX в. был изолирован даже от ближайшего промышленного города — Брно. До основания каменноугольных шахт в 60-х гг. XVII в.⁸ главным занятием населения области было земледелие; здесь жило также небольшое число ремесленников, обслуживавших потребности сельского хозяйства: кузнецы, колесники, слесари и т. д. В некоторых деревнях были портные и сапожники, а кое-где и ткачи. Все они имели свои небольшие участки земли, что сближало их с другими жителями селений. Другого вида ремесла — гончарство, выделка кож и т. д. — сосредоточивались в городках.

Основной задачей историко-этнографического изучения Росицко-Ославанского района было: дать наиболее полное представление о развитии культуры и быта всего населения, опираясь на «узловые моменты» этого развития, начиная с последнего десятилетия XVIII в., т. е. дать наиболее полную картину процесса формирования рабочего класса и специфики его культуры и быта, показать на этнографическом и фольклорном материале развитие взаимоотношений рабочих и крестьян данного района в различные периоды формирования рабочего класса и дополнить таким образом историю рабочего движения в области.

* * *

В течение первого десятилетия после открытия шахт в области не произошло сколько-нибудь заметных изменений в составе населения и характере его занятий. Руководили технической эксплуатацией шахт два-

⁵ Сравнительно полный материал сохранился в архиве бывшего Росицкого панства, т. е. северной части области. Наибольший интерес представляют инвентарные списки имущества, приложенные к завещаниям, самые завещания, протоколы судебных заседаний, содержащие данные о процессах родителей и детей, а также родственников, акты полицейских управлений и экономической комиссии. Сохранились здесь и метрические записи населения всей Росицко-Ославанской области, а также черновые материалы переписи 1857 г., содержащие полные сведения о численном составе отдельных семей, размерах их хозяйств, занятиях отдельных членов семьи и т. д. Архивный же материал ославанской части округа сохранился в гораздо меньшей степени.

⁶ Изучение истории культуры и быта всего населения района, т. е. рабочих и крестьян как единого целого, с самого начала формирования рабочего класса мы считаем очень важным для выяснения причин, обусловивших сложение специфических черт культуры и быта рабочих.

⁷ Местечко Росице вместе с деревнями Заставка и Збышов в северной и местечко Ославаны в южной части области остаются важнейшими центрами даже и в настоящее время, когда больше всего сказывается притягательная сила крупного промышленного города Брно. Ср. J. Mrkos, Pohyb obyvatelstva za zaměstnáním do hlavních středisek práce v zemi Moravskoslezské, Brno, 1948, стр. 21—23.

⁸ Первый полицейский отчет о существовании копей в районе Осланав датирован 8 августа 1769 г. (Городской и горный архив в Кутной Горе). Чиновник горного ведомства из Брно Людвиг И. Роддерстгалер в отчете придворной канцелярии в Вене дал описание работы, которую вел в Ославанском панстве управляющий Риедл.

три специалиста, приезжавшие из других горнорудных районов Австрии, особенно из Чехии и Западной Моравии. Горняки-специалисты оставались здесь очень короткое время, почти не соприкасались в быту с местным населением и, уезжая, не оставили здесь, вплоть до конца XVIII в., никаких следов своего пребывания. Рабочие же, набравшиеся на месте, при первом удобном случае возвращались к земледельческому труду. Лишь после 1787 г. произошли некоторые изменения, но и тогда постоянными рабочими в шахтах оставалась лишь небольшая группа батраков и домкаржей⁹. Зажиточное население окрестных деревень относилось в то время с презрением к низкооплачиваемой и опасной работе в шахте, и уже по одному этому можно судить о том, что работали на шахтах главным образом беднейшие из батраков и домкаржей.

Частая смена горняков-специалистов и их помощников местного происхождения была причиной того, что вплоть до начала XIX в., когда шахты перешли в руки капиталистических предпринимателей, в Росицко-Ославанском районе почти не было опытных горняков, хотя горные разработки здесь существовали уже более 30 лет и значительная часть местного населения, не исключая и сыновей зажиточных крестьян, работала определенное время на шахтах¹⁰.

Особой группы горнорабочих, выделявшейся из среды остального крестьянского населения, и их специфической культуры, отличной от культуры сельского населения, еще не существовало. Горняки, постоянно работавшие в шахтах, находились в тесном контакте с крестьянством; рабочие семьи жили разбросанно в различных деревнях и в своем быту не могли выйти за пределы окружающей их культуры сельского населения, с которой они были связаны от рождения. Все письменные источники конца XVIII — начала XIX в., которыми мы располагаем, говорят о полном тождестве культуры и быта рабочих и домкаржей области¹¹.

Первое десятилетие XIX в. внесло большие изменения в быт рабочих семей. После того, как горнорудные разработки оказались в руках капиталистических предпринимателей, сюда были приглашены целые группы горняков, работавших ранее на шахтах Чехии, Тироля, Штирии, Австрии, а позднее — из Словакии и северной Моравии¹²; число пришедших рабочих постоянно возрастало. В первом двадцатилетии прошлого века пришедшие горняки-специалисты составляли уже основную часть всех горняков, работавших здесь на шахтах. Из местного населения также составились кадры рабочих, для которых работа на рудниках стала главным источником существования. Это были, главным образом, дети местных батраков и домкаржей; сыновья зажиточных крестьян-полланников¹³, если и работали здесь некоторое время, всегда возвращались к земледельческому хозяйству или обучались ремеслу.

Презрительное отношение сельского населения к работе в шахтах отразилось на отношении его к горнякам не местного происхождения. Пришедшие рабочие-горняки считались «людьми, сидящими на чужой лавке», и оставались совершенно изолированными в быту от местного на-

⁹ Домкарж — крестьянин, имевший во владении только дом, иногда с небольшим клочком земли.

¹⁰ Об этом свидетельствует, например, отчет управляющего рудником в дер. Заставка Фердинанда Риттлера от 1841 г. (Земледельческо-лесной архив в Жидлоховице).

¹¹ Из числа горняков, работавших в 1820 г. на шахте Мюллера в Ославанах, 39 были местного происхождения, 19 — приехавших из Чехии и 2 — из Штирии. Пришедшие рабочие представляли собой ядро специалистов. Они прислаживались группами из различных горнорудных областей; возможно, что в Росице-Ославаны они были привезены вербовщиками.

¹² Рабочие, приезжавшие из Словакии, не обязательно были словаками; среди них преобладали рабочие, приехавшие в поисках работы на рудники Баньской Штавицы из Чехии и Австрии. Из северной Моравии сюда приезжали чаще всего горняки из Кунштадта.

¹³ Полланник — крестьянин, владевший половиной лана (лан — участок земли, равнявшийся приблизительно 15 га). Менее состоятельные крестьяне владели четвертью или меньшей частью лана.

селения. Молодые горняки, приехавшие сюда, почти всегда женились на дочерях своих старших товарищей или привозили невест из родных мест; крайне редки были браки между горняками и дочерьми местных домкаржей и батраков, случаев же браков с дочерьми более зажиточных крестьян в первое время вообще не было.

Приезжие горняки жили изолированно и от работавших вместе с ними горняков местного происхождения. Это объяснялось, с одной стороны, особыми взаимоотношениями, сложившимися во время работы на рудниках, а с другой — различным отношением местного населения к этим двум группам горнорабочих. На рудниках рабочие местного происхождения обычно были подчинены специалистам-пришельцам, настоящим мастерам своего дела, которым они были обязаны повиноваться; влияли также традиции, не позволявшие горняку-забойщику сближаться с подсобными рабочими, своими помощниками¹⁴.

Жители окрестных деревень считали более близкими себе подмастерьев местного происхождения, чем начальствующих над ними горняков-мастеров. Подмастерья имели в деревне родственников, многие имели собственный дом, а иногда и кусок земли. Эта земля и собственная крыша над головой считались в деревне единственной гарантией против нищеты и голода¹⁵.

Положение горняков неместного происхождения изменилось в конце 20-х гг. XIX в. К этому времени они окончательно приспособились к новым условиям, утратив и особенности своего языка: все они объяснялись лишь на местном диалекте¹⁶.

В 40—50-х гг. прошлого века усилилась иммиграция новых групп рабочих в район Росице-Ославан, особенно из соседних областей западной Моравии. Это привело к тому, что население некоторых центральных деревень района, например, Збышова, увеличилось в несколько раз¹⁷. Начиная с 1830-х гг. на работу в шахты стали наниматься и дети зажиточных крестьян-полланников из окружающих деревень. Они либо оставались простыми рабочими, либо овладевали какой-нибудь профессией (каменщиков, плотников и т. д.). Работать на шахте они начинали сравнительно поздно — в возрасте 20—22 лет.

В 1850-х гг. в Росицко-Ославанском районе были построены металлургические заводы в Заставке. Первые кадры рабочих этих заводов создались из ремесленников, приехавших из Моравии, Силезии, иногда даже из Англии и Бельгии (это были квалифицированные рабочие), а также из местных рабочих, используемых на подсобных работах. Архивы этих металлургических заводов для нас очень важны: здесь с первых лет существования заводов полностью сохранились списки всех рабочих с указанием их имен, места рождения, места жительства, профессии, дат поступления на завод и ухода с него.

Во второй половине прошлого века горняки и металлурги составляли основную часть населения области. Даже после того, как в 1856 г. была построена железная дорога до гор. Брно, на брненские промышленные предприятия отхлынула лишь незначительная часть рабочих¹⁸, но в

¹⁴ Еще в двадцатых годах нашего века помощник не смел сесть рядом с забойщиком; он должен был отойти даже в том случае, если забойщик был его собственным отцом.

¹⁵ В списке бедняков 30-х гг. прошлого века можно встретить немало стариков-рабочих, живших милостыней. Боязнь остаться нищим имела полное основание.

¹⁶ Один из известнейших горняков-пришельцев Мартин Шмидтмайер, оставил написанное на чешском языке завещание, хотя был немцем по происхождению. Он изучил чешский язык, ежедневно общался с местным чешским населением.

¹⁷ В Збышове в 1843 г. было только 385 жителей, в 1857 г. — уже 978 жителей, из них 547 бывших иностранных подданных.

¹⁸ Железная дорога, бывшая в руках росицких горнозаводчиков, располагала лишь четырьмя пассажирскими вагонами; она была построена специально для переброски угля и другого вида грузов в Брно и обратно.

конце XIX в. число рабочих, отправлявшихся на поиски работы в Брно, резко возросло; в последние годы XIX в. отход рабочих стал так велик, что администрация росицских рудников всякими способами принуждала рабочих, живших в шахтерских колониях, обязательно отправлять своих сыновей на работу в шахты. В противном случае семья лишалась возможности жить в колонии.

В первой половине XX в. отлив рабочей силы из Росице-Ославан еще более увеличился: в конце 1930-х гг. на предприятия Брно только из городка Росице ездило ежедневно 718 человек, из Закржан — 130, из Тетчиц 140 человек и т. д.¹⁹

* * *

Попробуем коротко описать те изменения, которые произошли в области семейных отношений населения Росице-Ославан в начале XIX в. Для этого мы располагаем довольно многочисленными источниками. Важнейшими из них являются метрические записи, сохранившиеся в каждой из деревень этой области, начиная с XVIII в., а также наследственные и судебные акты. Из метрических записей наиболее интересны брачные, говорящие о том, из каких семей происходили жених и невеста, каким был их возраст, каковы были дальнейшие связи между новыми родственниками, а также метрические записи о рождении — единственный источник для понимания института кумовства, этого важного вида общественных связей, ставящегося в народе на один уровень с кровным родством.

Наследственные акты, также сохранившиеся в большинстве поселков и местечек Росице и Ославан, позволяют изучить состав семьи и взаимоотношения между отдельными ее членами. К этим актам примыкают списки завещанных предметов, а также точные перечисления наследников и степени их родства с умершим. И несмотря на то, что наследственная практика к тому времени уже подверглась сильному влиянию юридических норм, здесь встречались частые отклонения от них, указывающие на действительные бытовые отношения между родителями и детьми, между отдельными родственниками, между умершим завещателем и его наследниками²⁰.

Мы не располагаем одинаковым количеством завещаний для всех групп населения Росице-Ославан. В крестьянских семьях они составлялись почти всегда, начиная с XVIII в., завещаний же рабочих почти не сохранилось. Лишь изредка встречаются завещания рабочих, имевших дом и кусок земли. У рабочих же не местного происхождения завещания в первой половине XIX в. являлись исключением.

Большое значение имеют, несмотря на свою схематичность, и брачные соглашения между женихом и невестой, в которых содержится описание того имущества, которое вносилось в общее хозяйство. Эти соглашения говорили о праве владения имуществом в том случае, если один из супругов умирал до рождения первого ребенка.

Наряду с завещаниями и брачными соглашениями в качестве источника могут быть использованы и акты судебных процессов. Они касаются, правда, незначительного процента населения Росице-Ославан, т. е. лишь тех семей, где разногласия дошли до того, что их вынуждены были разрешать в судебном порядке. Нельзя забывать, что здесь содержатся данные о семейных конфликтах, являющихся в какой-то мере исключением в быту населения данного района; они сами по себе не могут дать правильной картины семейных взаимоотношений крестьян, ремесленников и рабочих Росице-Ославан в начале XIX в. Широкое обобщение этого материала привело бы к искажению действительности, тогда как на

¹⁹ Ср. J. Mrgkos, Указ. раб., стр. 5.

²⁰ Эти материалы хранятся в Земледельческо-лесном архиве в Жидлоховице и в Государственном архиве в Брно.

самом деле атмосфера эгоизма, зависти, вражды наблюдалась в рабочих и крестьянских семьях в то время крайне редко.

Особое место среди этих судебных актов занимают протоколы о семейных разделах, т. е. протоколы процессов между «выменкаржами» — выделившимися родителями — и их детьми, ставшими владельцами хозяйства. Они касались прежде всего размеров оплаты так называемого «выменка», то есть той части дохода, которая полагалась отделившимся старикам. Большое количество такого рода процессов и то упорство, с которым они велись в течение целого ряда лет, позволяют говорить о явных симптомах прогрессирующего разложения традиционных семейных отношений под влиянием развития капитализма в деревне. Сюда же можно отнести и договоры о выменках, заключавшиеся при разделах семей между прежними хозяевами-стариками и новыми хозяевами²¹, или те же договоры, включаемые в завещания в качестве условия наследования. Нередко такого рода соглашения являлись составной частью брачного договора сына²².

Число письменных источников, пригодных для использования в нашем исследовании, заметно увеличивается, начиная с середины прошлого века. К ним относятся, прежде всего, черновые материалы переписей, содержащие, начиная с 1857 г., данные о численном составе семей, их родственном составе, их хозяйстве, о занятиях главы семьи, его жены и других членов семьи. Важнейшим источником для этого времени является рабочая печать, уделявшая большое внимание не только теоретическим вопросам, касавшимся роли женщины в семье и общественной жизни, но и остро критиковавшая отдельные конкретные случаи нарушения установленных норм семейной жизни.

Для изучения семьи периода второй половины XIX в. довольно много может дать и полевой материал. Воспоминания наиболее старых информаторов о семейной жизни их родителей, о различных семейных обычаях, о ближайших родственниках со стороны отца и матери помогают осветить развитие семейных отношений, начиная с 80-х, а иногда и с 60-х гг. XIX в.

Интересный материал для объяснения ряда причин распада семьи могли бы дать судебные акты о бракоразводных процессах. Однако весь материал этого рода был уничтожен в архивах, и эту потерю, к сожалению, ничем нельзя возместить.

* * *

Экономическое состояние крестьянских хозяйств в районе Росице-Ославан в конце XVIII — начале XIX вв. было довольно плачевно: большинство их было обременено долгами²³, проценты за долги поглощали большую часть дохода.

²¹ Оговаривалось все вплоть до мелочей, например, вход во двор или в дом. Еще в начале нашего века один из хозяев-крестьян в Ославанах отказался впустить в дом своих родителей, имевших по договору право на жилое помещение, но не оговоривших права пользования дверями, вследствие чего они были вынуждены входить в дом по лестнице через отверстие в крыше.

²² Например, в брачном соглашении между Якубом Валентином и Мариной Крольшейвой от 17 мая 1783 г. отец жениха потребовал написать, что хозяйничать он будет сам, а молодожены будут ему послушны.

²³ В 1826 г. одни лишь «сиротские» долги крестьянских усадеб Росицкого панства составляли 28 292 златых («сиротскими» назывались долги по взятым под проценты деньгам, принадлежавшим сиротам и находившимся на особом учете в «господской» канцелярии); о долгах другого рода мы не имеем точных данных. По случайным же сведениям, сохранившимся в Росицах и Пендрове, можно судить о том, что и они выражались приблизительно в той же сумме. Размеры задолженности многих усадеб равнялись нередко половине всей их цены: в Росицах и Пендрове, например, на усадьбу полланника Иосифа Урбановского, оцененную в 750 златых, приходилось 320 златых долга; на поллана П. Крживанка, оцененного в 1200 златых, — 381 златый 51 крона долга и т. д. В целом 48 крестьянских семей и домкаржей в Росицах и Пендрове имело 12 121 златых 35,5 крейцеров зарегистрированного долга.

Другого рода бременем, лежавшим на крестьянских хозяйствах, была барщина, которую крепостные обязаны были нести на земле своего господина²⁴. Немалым бременем были и «выменки», выплачиваемые старикам-родителям после раздела.

Тяжелое состояние сельскохозяйственных хозяйств, их задолженность, которая была в значительной степени результатом противоречия между принципом равного для всех детей права наследования²⁵ и принципом неделимости крестьянской земли²⁶, не могли не отразиться на семейной жизни крестьянского населения.

Главный наследник должен был выплатить установленные части наследства своим родственникам в довольно короткий срок, чаще всего через год после того как все хозяйство переходило в его руки. Это в значительной мере влияло на его отношение к родственникам и на выбор невесты. Брак с девушкой из состоятельной семьи был единственным выходом, чтобы избавить наследуемое хозяйство от многолетней задолженности: перед размерами приданого невесты отступали все другие соображения. Внебрачные дети, которых мог иметь крестьянский сын от дочери крестьянина-бедняка или служанки, не являлись особым препятствием для брака. Обязанности отца по отношению к ребенку и его матери ограничивались в таком случае вкладом в сиротскую кассу 20—30 златых; о воспитании же ребенка отец совершенно не заботился, это было обязанностью матери. Вся вина падала только на мать ребенка, так как, по мнению окружающих, она должна была понимать, что крестьянский сын не мог жениться на ней.

Размеры приданого, которое жених мог ожидать от невесты, в значительной мере зависели от состояния его хозяйства, от числа родственников, оставшихся жить в его семье после свадьбы, и от того, жили ли при нем в качестве выменкарей его родители. В случае, если у молодого хозяина было много младших братьев и вместе с ним жила его незамужняя сестра, выбор невесты делался затруднительным, срок женитьбы оттягивался и таяли надежды на получение хорошего приданого, необходимого для выплаты причитающейся родственникам части наследства. Все это влияло на отношение молодого хозяина к младшим братьям, которых он старался как можно раньше отправить из дома в ученье или в наем к кулаку, а также на его отношение к незамужней сестре, которая оставалась «старой девой»; это в конечном счете влияло и на отношение его к родителям в том случае, если они в течение многих лет жили при сыне в качестве выменкарей.

Выплата частей наследства тянулась иногда десятки лет, и это приводило к частым недоразумениям между родственниками. На взаимоотношения молодоженов все это влияло отрицательно: чем скорее молодая получала свою долю отцовского наследства, тем скорее ее муж мог расплатиться со своими родственниками. Она вынуждена была то-ропить брата с оплатой, а иногда и подавать жалобы в суд.

На отношение сына (главного наследника) к родителям в деревнях в значительной степени влияла его обязанность ежегодного и регулярно выплачивания выменка. Хозяйство передавалось отцом в руки сына

²⁴ Время, уходящее на дорогу, не учитывалось. Часто крепостные ездили на барщину за 5—8 км; поэтому время, затрачиваемое на барщину, увеличивалось на несколько часов.

²⁵ Это право было узаконено всеобщим постановлением о наследстве в 1786 г. и королевским патентом от 3 апреля 1787 г.

²⁶ По законам, земельные участки, примыкавшие к крестьянской усадьбе, должны были быть записаны под ее номером в книге земельного учета, они были не отделены от усадьбы и не могли являться частью приданого детей. От усадьбы могли быть отделены лишь так называемые «свободные» участки, то есть те, которые по каким-нибудь причинам были освобождены от этого правила (например, бывшие виноградники). Принцип неделимости крестьянских усадеб был подтвержден также законом 1920 г. (Сборник законов и постановлений, 1920, № 81).

чаще всего после его двадцатилетия — для того, чтобы уберечь его от военной службы; родители же находились при сыне в качестве выменкаржей десятки лет. При этом отношения между родителями и сыном очень скоро обострялись. Родители, как правило, помогали сыну при полевых работах, и отец, еще полный сил, часто вмешивался в управление хозяйством, а сын — новый хозяин считал это посягательством на свои права.

Многолетняя выплата выменка, поглощавшая значительную часть урожая²⁷ и понижавшая рентабельность хозяйства, была для нового хозяина довольно обременительна. А так как выплата выменка была юридически оформлена особым договором в «господской» канцелярии, а затем и у нотариуса, то всякого рода отступления от нее приводили к долголетним судебным процессам²⁸.

В семьях мелких крестьян-четвертьланников отношения были несколько иными. Здесь выменкаржи жили большей частью одной семьей со своими детьми, положась на их добрую волю. Они не устанавливали себе выменка особым договором, но требовали лишь «приличного ухода до самой смерти». Родители до глубокой старости помогали детям как в полевых, так и в домашних работах: их помощь была необходима, так как в отличие от жены зажиточного крестьянина-полланника, не работавшей, как правило, в поле и занимавшейся лишь домашним хозяйством и уходом за детьми (на полевую работу полланники нанимали работников), жена четвертьланника весь год работала в поле, а его мать — выменкаржка выполняла домашнюю работу. То же было и в семьях батраков-домкаржей, если при них жили родители: старики и здесь полагались на добрую волю своих детей.

Описанное положение в крестьянских хозяйствах и в семьях батраков-домкаржей сохранялось вплоть до последних десятилетий XIX в. Даже повышение общего уровня земледелия во второй половине XIX в. не устранило острых противоречий между хозяином и его родителями — выменкаржами. Повышение урожайности сельскохозяйственных культур облегчило выплату выменка²⁹, однако взаимоотношения между родителями и детьми не изменились. В этом отношении большой шаг вперед был сделан только в народно-демократическом государстве, когда пособие по старости стали получать и многие из наименее состоятельных крестьян-выменкаржей. Социальные фонды единых сельскохозяйственных кооперативов смогут в будущем облегчить жизнь стариков в деревне и устранить экономические причины разногласий между стариками-родителями и их детьми; однако до сих пор положение стариков-выменкаржей в принципе не изменилось. Кооперативы еще не настолько богаты, чтобы обеспечить родителей своих членов; поэтому старики до сих пор в той или иной мере должны пользоваться поддержкой своих сыновей — чле-

²⁷ Полланник Томаш Свачина из Росиц оговорил при передаче усадьбы, что для него ежегодно будет засеиваться 1 мера (0,20 га) ржи, $\frac{3}{4}$ меры пшеницы, $\frac{1}{4}$ меры гороха и $\frac{1}{4}$ меры ячменя; кроме того, в его владении оставались: кусок земли под картофель, часть сада и луг с сеном и отавой. Из урожая того года, когда усадьба передавалась в руки его сына, Т. Свачина должен был получить треть всего обмолоченного зерна. Подобными были и более поздние выменки: они включали 10 ц ржи, 10 ц пшеницы, 4—6 ц ячменя, 50 кг гороха, 50 кг чечевицы, участок земли под картофель. Для отопления новый хозяин должен был дать отцу 2 сажени дров, а позднее определенное количество дров и 10 ц угля.

²⁸ Так, например, процесс выменкаржа-полланника из Пендрова Флорiana Мержинского, который он вел со своим сыном, длился с перерывами более 20 лет. Он судился из-за пустяков: одна из его жалоб касалась половины корзины яблок, которые сын его снял с яблони, но не отдал отцу. Выменкарж-полланник Мартин Сточка подал в 1845 г. жалобу на своего сына Яна Сточку за то, что он не отдал ему зерно, которое должен был выдать по выменку за 1815 год, то есть за 30 лет до того!

²⁹ Это облегчение было лишь кажущимся. В действительности положение мелких крестьянских хозяйств несколько не улучшилось: крестьяне не имели возможности купить необходимое новое сельскохозяйственное оборудование, так как оно было слишком дорого.

нов кооператива. Большие перемены, однако, произошли в отношении помощи стариков-родителей в домашнем хозяйстве: чтобы дать молодой хозяйке возможность работать на кооперативном поле, родители помогали ей в более легкой домашней работе, повышая тем самым доход всей семьи.

Совершенно иными были семейные отношения у рабочих местного происхождения, даже в том случае, если родители жили вместе с семьей сына в одном тесном помещении. Уже в первой половине прошлого века рабочие до последних лет жизни не переходили на иждивение сына; они сами работали до старости, помогая молодым растить детей и давая возможность женщинам работать, чтобы увеличить бюджет семьи.

О совместной жизни стариков-родителей и их женатых детей в семьях приезжих рабочих первой половины XIX в. данных нет. Родители оставались жить у одного из своих детей в тех местах, из которых горняки приезжали в Росице-Ославаны, их связь с уехавшими детьми постепенно ослабевала, а иногда и совсем прерывалась. Но и в том случае, когда приехавший в Росице-Ославаны рабочий женился здесь на дочери одного из своих товарищей тоже неместного происхождения, либо на дочери местного домкаржа или батрака, старики-родители не жили вместе с ним: старые горняки-специалисты, очень ценившиеся на шахтах, работали до глубокой старости и жили самостоятельно.

Лишь в середине прошлого века, когда первые приезжие промышленные рабочие смешались с местным населением и появилось новое поколение, выросшее в деревнях Росице-Ославан, стали встречаться случаи совместной жизни стариков-родителей с их женатыми детьми. Чаще всего это случалось в семьях горняков, приехавших в данный район еще в начале XIX в. и успевших обзавестись здесь домом и небольшим хозяйством, в котором старики помогали в более легкой работе: пасли скот и пр.

Но все же это были лишь отдельные случаи. Причиной общего явления — раздельной жизни стариков и молодых хозяев, была не теснота в горнозаводских колониях — рабочие жили просторнее, чем их сельские соседи или домкаржи, и нередко имели угловых жильцов³⁰. В их семьях в то время было немного детей, чаще всего они имели двух-трех детей, а нередко только одного ребенка³¹. Старики-родители — и прежде всего родители жен рабочих, местных уроженок — не переезжали к ним, так как имели обычно свое хозяйство, а в их помощи малые по численности семьи рабочих не очень были заинтересованы.

Значительные перемены в составе рабочих семей наступили в 70-х годах XIX в.: в этих семьях гораздо чаще, чем прежде, стали жить старики-родители (обычно один из них, отец или мать), и не только в тех случаях, когда семья жила в собственном доме и могла выделить для стариков отдельную комнату, но и тогда, когда семья жила в шахтерской колонии и возможности выделить для них особое помещение не было (см. рис. 1).

С конца 1870-х гг. стали появляться рабочие-пенсионеры, которые вносили свою долю в общее хозяйство³², то есть помогали детям в материальном отношении. Если же в семье сына жили старые отец и мать, то

³⁰ В 30 жилых помещениях горняцкой колонии № 17 в Збышове в 1857 г. было 8 угловых жильцов или ночлежников.

³¹ По данным черновых материалов переписи 1857 г. в Ославанах было зарегистрировано 124 рабочих семей, живших в чужих домах, и 46 семей, имевших собственные дома. Из семей, нанимавших помещение, 14,5% были бездетными, 12,1% имели одного ребенка, 20,9% — двух, 21,8% — трех, 8,8% — пятерых детей, 7,3% — шесть и более детей. Число рабочих семей, живших в собственном доме, было довольно значительным. Каждая рабочая семья стремилась иметь свой дом, так как положение рабочих, имевших свою «крышу над головой», считалось гораздо более прочным. В горнозаводских колониях, построенных для рабочих предпринимателями, жила в основном молодежь.

³² Первые данные о горняках-пенсионерах появляются в 1870-х гг.

они оказывали семье сына двойную помощь: отец работал в шахте, а мать освобождала молодую хозяйку от домашнего хозяйства и заботилась о детях.

В рабочих семьях в этот период сравнительно чаще, чем в семьях домкаржей и зажиточных крестьян, жили родители хозяйки. Это объяснялось рядом причин.

Во-первых, за холостыми мужчинами-горняками, приезжавшими в Рошице-Ославаны, крайне редко следовали их родители, а родители жены жили обычно здесь же. Кроме того, в семьях рабочих-домкаржей уже во второй половине прошлого века вошло в обычай завещать дом дочери, а не сыну, как это было принято в крестьянских семьях, где этого требовали интересы хозяйства. Благодаря относительной экономической независимости родителей-рабочих между ними и их детьми (особенно тогда, когда они жили с семьей дочери) сложились гораздо более сердечные отношения, чем в крестьянских семьях и семьях домкаржей. Об этих сердечных отношениях свидетельствует, в частности, то, что их называли в семье, а затем и в официальных бумагах не иначе как «бабушка» и «дедушка». Но, без сомнения, и в рабочих семьях бывали частые разногласия между стариками родителями и их детьми. В таких случаях старики, имевшие собственный заработок, могли и не жить вместе с детьми и поселялись отдельно, в своем доме.

В последние 10—15 лет рост материального уровня жизни и повышение требований к размерам жилища привели к тому, что число семей, живших вместе с родителями, резко уменьшилось, несмотря на выгоды совместной жизни для обеих сторон: старики-родители помогали молодым в короткий срок обзавестись всем необходимым в доме, самим же им был обеспечен в старости заботливый уход. Сейчас дети большей частью живут вместе с родителями только до тех пор, пока не смогут получить для себя отдельное помещение и купить все необходимое для отдельного хозяйства. Затем они, как правило, покидают дом своих родителей, ограничиваясь лишь взаимными посещениями. В этом проявляется растущая экономическая самостоятельность молодого поколения. Однако такого рода раздельная жизнь не ведет к ослаблению родственных связей; если родители живут в том же городе, то они нередко проводят целые дни в семье одного из своих детей, хлопочут по хозяйству, ухаживают за внуками.

Там, где достаточные размеры жилой площади позволяли поселиться старикам и молодым вместе, дело не доходило до разделения семьи. Особенно прочными эти связи были в том случае, если зять поселялся у родителей жены, имевших собственный дом. Если же в этом случае дом оказывался недостаточно просторным, к нему делались всякого рода пристройки (см. рис. 2).

Изменилось также и отношение детей к родителям, в особенности к отцу.

В прежнее время отец-крестьянин являлся неограниченным владельцем всего имущества семьи, его авторитет поддерживался обычаями и правилами христианской морали. Его сын мог работать лишь на его земле. Полная зависимость детей от родителей, а позднее зависимость младших братьев — батраков от старшего брата, ставшего хозяином, усиливала видимость повиновения старшим, считавшегося наивысшей добродетелью³³. Открытие угольных копей, где мог найти работу и неквалифицированный рабочий, означало конец патриархальной власти отца над своими детьми: молодые люди могли освободиться от нее и жить самостоятельно в экономическом отношении. В рабочих семьях работа на предприятии сделала отношения между родителями и детьми свободными от трений, возникавших в результате противоречий между ро-

³³ В действительности дело было лишь в видимом подчинении и уважении к родителям, исчезающих очень скоро после того, как сын вступал во владение хозяйством.

дательской волей и желаниями взрослых детей: отец и сын, работавшие на одном предприятии, имели теперь много общих интересов; с 70-х гг. прошлого века они вели общую борьбу с предпринимателями³⁴, общая борьба и совместная работа сближали их.

Рис. 1. Одно из зданий «Новой колонии» в Заставке, построенное в 1872 г.
На каждом этаже 4 квартиры, состоящие из кухни и одной комнаты

Рис. 2. Дом с пристройкой для замужней дочери и зятя

Не менее значительные перемены в рабочих семьях произошли и в отношении женщины к семейному имуществу. В крестьянских семьях женщина вплоть до первой мировой войны оставалась скорее служанкой,

³⁴ Начало стачечного движения рабочих в Росице-Ославах относится к 1875 г., когда предприниматели снизили заработную плату на 10%. Рабочие скоро добились сохранения прежней оплаты. Страх перед рабочим движением был так велик, что сам районный гетман посоветовал предпринимателям пойти на уступки рабочим. Районные власти боялись распространения влияния I Интернационала, которое в Брненской области было довольно значительным.

чем хозяйкой. Даже в том случае, если она являлась юридически совладелицей усадьбы³⁵, она не имела права голоса ни при продаже, ни при покупке скота, зерна, земли и т. д. Такое подчиненное положение женщины было, вероятно, обусловлено тем, что ее работа на поле растворялась в работе других членов семьи; результаты ее невозможно было учесть. В рабочих же семьях Росице-Ославан уже в первом десятилетии XIX в. положение женщины было иным. Так как муж на целый день уходил на шахту, жена должна была вести все домашнее хозяйство, обрабатывать свою землю или работать поденщицей у кулака, прясть для продажи и т. д.³⁶ Она имела право распоряжаться по своему усмотрению большей частью семейного дохода: муж отдавал ей почти весь свой заработок, оставляя для себя лишь небольшую долю на табак и трактир. Эта практика стала настолько прочной, что уже в 80-х и 90-х гг. XIX в. считалось безнравственным тратить без ведома жены большую часть своего заработка на собственные нужды. Сейчас в рабочих семьях обычное явление — «общие кассы», в которые и муж, и жена, и взрослые дети (если они есть) кладут весь свой заработок и берут оттуда столько, сколько потребуется. Место, где хранятся деньги, известно всем взрослым в семье.

Действительное равноправие женщины в рабочей семье привело к новому разделению труда в доме. И прежде в рабочих семьях было принято, чтобы муж, рабочая смена которого сократилась сначала до 9½, а после первой мировой войны до 8 часов, помогал жене не только в поле, но и при грубой домашней работе, например, при стирке белья (он приносил и выносил воду, разводил огонь и т. д.), при генеральной уборке дома и т. д.; он продолжал эту работу и в периоды безработицы и неоплачиваемого отпуска, когда жена своей работой вне дома кормила всю семью. С внедрением различных бытовых приборов (электропылесосов, стиральных машин и т. п.) расширился тот круг работ, в которых участвует муж, особенно у молодого поколения. Очень часто муж в то время, когда жена находится на работе, ухаживает за детьми.

С конца 90-х гг. XIX в. необычайно возросло участие женщин, принадлежащих к рабочим семьям, в общественной жизни. Активизация рабочего класса всей страны повлияла в Росице-Ославанах и на жен рабочих, которые до того времени оставались под сильным влиянием церкви. Это влияние было настолько велико, что первая реакция женщин на рабочую агитацию была отрицательной. С конца же 90-х гг. женщины принимали широкое участие в рабочих союзах, а в некоторых из них, как, например, в физкультурных, певческих, любительских театральных обществах, женщины преобладали. Участие в политической жизни подготовило их к тяжелым испытаниям, которые принесли им стачечные бои рабочих в 1920—1930-х гг.³⁷ После освобождения в 1945 г. жены рабочих стали активной силой в общественной жизни Росице-Ославан: некоторые сферы деятельности местных национальных комитетов оказались целиком в их руках (например, надзор за торговлей, за здравоохранением).

Несмотря на то, что в семьях рабочих разводы случаются чаще, чем в крестьянских, так как здесь нет тех материальных соображений, которые затрудняют разводы у крестьян, взаимоотношения мужа и жены, детей и родителей здесь гораздо более сердечны и просты: тесная связь

³⁵ Первые данные о совладелицах усадеб относятся к середине XVIII в., но тогда это были лишь отдельные случаи. Лишь в 80-х гг. прошлого века жена, как правило, становилась совладелицей усадьбы.

³⁶ Так, в семье рабочего Франтишка Пешотта в Ославанах в 20-х гг. XIX в. было четыре прялки, в доме горняка Вейводы — одна прялка; в Росицком панстве в целом в 1822 г. было 106 прялок, на которых изготовлялась пряжа для текстильных фабрик гор. Брно.

³⁷ Одна из наиболее крупных стачек длилась 16 недель (с 4 ноября по 21 февраля 1933 г.). Она охватила почти весь район, в ней участвовало 90% рабочих.

между отдельными членами семьи, как правило, не нарушается даже тогда, когда они живут далеко друг от друга.

За последние два-три года почти исчезли и такие причины, отрицательно влиявшие на семью, как слишком ранняя женитьба, пьянство, картежная игра, сидение в трактирах. Однако нужна еще большая работа по воспитанию в молодых людях правильного отношения к браку как добровольному, но тем более прочному союзу мужа и жены.

Изучение архивных и полевых материалов позволило выявить некоторые различия в семейном быте рабочих и крестьян Росицко-Ославанского района, сложившиеся в процессе 150-летнего развития. В повседневной семейной жизни рабочих и в их родственных связях исчезли такие явления, которые еще сохранялись по разным причинам в крестьянских семьях, как, например, кумовство. Вместе с тем в семьях рабочих возникли некоторые специфические черты, явившиеся результатом их нового социально-экономического положения. Семейные отношения в большинстве случаев освободились от экономических соображений; новыми стали положение женщины в семье, отношения между родителями и детьми, между отдельными родственниками. Семья как единое целое заметно окрепла. Несмотря на то, что в семьях рабочих гораздо чаще, чем в крестьянских, случаются разводы, это вовсе не свидетельствует об упадке семейных устоев в рабочей среде; это лишь означает, что супружеские пары пытаются открыто разрешить назревшие в семье противоречия, а не стараются их завуалировать видимостью семейного согласия, как это бывает еще и сейчас у крестьян. Большую роль в укреплении семьи сыграла агитация наиболее передовых рабочих.

В целом можно сказать, что в рабочих семьях изучаемого района традиционные взаимоотношения между отдельными их членами освободились от побочных влияний, в первую очередь экономического характера, и приобрели многие новые черты. Рабочая семья стала единым целым, прочность которого проверялась не раз, особенно в последние десятилетия.
